

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Л. Сумм

7

1984

Перевод В. Голышева

23

СКОТНЫЙ ДВОР

Перевод Л. Беспаловой

319

ЭССЕ

407

ПОЧЕМУ Я ПИШУ

Перевод С. Таска

409

ПРЕДИСЛОВИЕ К УКРАИНСКОМУ ИЗДАНИЮ

«СКОТНОГО ДВОРА».

Перевод В. Голышева

417

МАРРАКЕШ

Перевод С. Таска

422

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСПАНСКИХ СЕКРЕТОВ

Перевод В. Голышева

429

НЕ СЧИТАЯ ЧЕРНЫХ
Перевод В. Гольшова
439

МОЯ СТРАНА, ПРАВАЯ ОНА ИЛИ ЛЕВАЯ
Перевод В. Гольшова
444

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЫ
Перевод В. Гольшова
451

ПРИВИЛЕГИЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ:
ЗАМЕТКИ О САЛЬВАДОРЕ ДАЛИ.
Перевод В. Гольшова
464

ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛИЗМЕ
Перевод В. Гольшова
476

ЧТО ТАКОЕ НАУКА?
Перевод В. Гольшова
490

СПОРТИВНЫЙ ДУХ
Перевод В. Гольшова
495

ПОЛИТИКА И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
Перевод В. Гольшова
499

ЛИР, ТОЛСТОЙ И ШУТ
Перевод В. Гольшова
516

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СЕРОЙ ЖАБЫ
Перевод С. Таска
537

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мальчик стоял на голове. Девочка подошла, заинтересовалась:

— Что это вы делаете?

Существуют две версии ответа мальчика. Версия выросшего мальчика, приведенная в письме другу, когда завершился «1984», — и версия в воспоминаниях девочки, написанных через шесть десятилетий после той встречи:

— Иногда приходится встать на голову, чтобы разглядеть мир (to notice the world).

— Иногда приходится встать на голову, чтобы мир тебя разглядел (to be noticed by the world).

Девочка так и поняла: мальчик встал на голову, чтобы она обратила на него внимание. И конечно, была права — вернувшись в привычное положение, мальчик принялся забрасывать ее перечнем прочитанных книг и планами книг еще ненаписанных. В то же лето начнется Первая мировая война, и пышущие патриотизмом стихи мальчика опубликуют в местной газете. Правда, мечтал мальчик о прозе — о всеобъемлющей книге в духе «Современной утопии» знаменитого Уэллса. И девочка, на правах девочки, и старшей, и тонкой натуры, поддерживала — да, он будет учиться в Итоне, а потом в Оксфорде, и она тоже, он станет великим писателем, а она...

Эрику было 11 лет, Джасинте — 13. Оба только что переехали в Шиплейк, не так уж далеко от Оксфордского университета, оба, как водится на новом месте, хотели замечать и быть замеченными.

Первый — гораздо более дальний — переезд в своей жизни Эрик вряд ли запомнил: годовалым мать привезла его и старшую пятью годами сестру в Англию. Отца в ближайшие годы они увидят лишь однажды: он приедет в отпуск и одарит второй сестренкой, младшей пятью годами, и лишь когда Блэр-старший выйдет в отставку, семья переберется в полном составе в Шиплейк.

Отец Эрика был чиновником индийской службы, мать — намного его моложе, наполовину француженка, легкая, обаятельная, способная из ничего создать и шляпку, и салат, и скандал, и обстановку дома.

Семья принадлежала, по скрупулезному определению самого Оруэлла, к ниже-высше-среднему классу. Имелась титулованная прабабка по линии отца, существовала легенда о роскошном детстве матери в Бирме, в огромном доме с множеством слуг, но и с множеством детей: в итоге брак с вдвое старшим англичанином оказался для бесприданницы лучшим шансом. С другой стороны, не было независимого источника доходов, как не было и постоянного, безусловного круга. Кое-какие связи имелись: дядя по матери играл в гольф с директором школы Святого Киприана. Давно — в 1903–1904 годах, когда Эрик только родился и был привезен в Англию, но этого знакомства, очевидной принадлежности к «своим» да расчета на то, что мальчик сумеет после надлежащей подготовки поступить в Итон (полезно для репутации подготовительной школы), хватило, чтобы Эрика взяли на половинную оплату. И чтобы он получил все то, что выпадало на долю ученика на половинной оплате, — розги учителя, страх неудачи (не сдашь — не поступишь в Итон — вылетишь из ниже-высше-среднего класса, подведешь всех, останешься никем), издевательства учеников побогаче. Школу эту в первом же разговоре с девочкой он назвал «скотской». Но зубрил усердно, мечтая об Итоне, где все будет по-другому. А задним числом признал, что кое-чем обязан школе: традиционное воспитание, с укреплением патриотизма (который, как выяснится, может прилепиться и не к стране, а к идеологии, например),

физической стойкости и умения постоять за себя — оно и для революционера, каким Оруэлл долго себя считал, не лишнее. Либо оно оболванит юнца и сделает из него служаку — либо пробудит в нем сопротивление. Так и вышло: и сам Оруэлл, и многие его однокашники, и в целом поколение молодых образованных англичан сделались «левыми». Но и тут человек, умевший постоять на голове, отличается от многих: он и свою идеологию умел видеть вверх ногами, сдерживая и разоблачая самого себя¹.

И отсюда же острое сознание английской сословности и собственной никуда-не-принадлежности. Этот писатель формируется как человек, вмещающий в себя всю Англию, от ниже-высше-среднего класса (да и с политиками и с титулованными личностями он, выпускник Итона, без труда найдет общий язык) до рабочих и старых дев на велосипедах, о которых с любовью и пониманием не раз напишет в эссе, посвященных «твоей Англии», и в романах. Но сам он не втискивается ни в какое сословие, да и в идеологические группы. И в начале его карьеры, и под конец, когда в 46 лет он будет ждать смерти от настигшего-таки туберкулеза, его издателями, соратниками, хранителями наследия будут левые, а друзьями, собеседниками — консерваторы.

Ранняя неуверенность в своей социальной принадлежности — и уверенность в себе как личности. Специфически английское бунтарство — «революция, опирающаяся на традиции», скажет он потом. Нарушение традиций, переворачивающее мир, не хуже стойки на голове: вопреки неписанным школьным правилам заехал в нос мучителю-старшекласснику и раз навсегда избавился от домогательств. Клайв Льюис, тоже прошедший через ад плохонькой przygotowательной школы, физического отпора дать не сумел,

¹ Включенные в этот том «Заметки о национализме» чрезвычайно важны как разбором всяческих «измов» (отнюдь не только привязанных к крови или к почве), так и редчайшим умением обернуться на самого себя и в самом себе увидеть и показать источник, приводящий в конце концов к «1984».

зато в «Переландре», написанной в годы Второй мировой, его герой обнаружит, что воплощенному злу надо иногда попросту сопротивляться силой. Оруэлл понял это намного раньше. Наверное, и это сказалось на его выборе — сначала пройти путь ногами, и лишь потом на бумаге.

Но и слова были даны ему с ранних лет. Об этом он торжественно уведомил девочку, едва перевернулся обратно вверх головой. Вскоре после начала войны его ультрапатриотические стихи будут опубликованы в газете, а в Итоне он настолько сосредоточится на школьном журнале, что завалит учебу — и опять-таки решит свою судьбу, пролетев мимо университета. А сверх того он «жил в своей голове», сочиняя истории, в которых представлял всемогущим или по крайней мере исправлял свои промахи, и одновременно фиксируя, честно и точно, происходившее с ним. Память у него была замечательная, натренированная такой постоянной «записью». В этом смысле он сам себе изначально был «Большим братом».

И еще у него была Джасинта. Семь лет дружбы, полно-го, как ему казалось, понимания, веры в его и ее талант, влюбленности. Их отношения достигли последней черты и лишь ее не переступали — девушка поощряла Эрика, и сама во власти смутных чувств, и с эгоистическим прицелом: на ее образование у матери денег не хватало, в Оксфорд отправлялся только ее брат, и таким образом Эрик мог стать ее проводником в желанный мир высшего образования. А Эрик подвел, не получил стипендию и не слишком-то бился за Оксфорд. Сам еще не знал, куда лежит его путь, но требовал, чтобы Джасинта шла с ним. Она стала уклончивее. И тогда, то ли потеряв голову, то ли осознанно пытаясь «застолбить» невесту, он перешел черту.

Крах, ссора, полный разрыв. Раз так, он больше не цепляется ни за Оксфорд, ни за Англию. Соглашается с отцовской идеей — стать офицером полиции в Индии. На самом деле неплохая перспектива — двадцать пять лет службы, жалованье с первых дней почти такое же, как у отца после долгой выслуги, возможность сделать карьеру (итон-

ский галстук делает его своим среди гражданских служащих и военных). К тому же неподалеку от места службы проживала его бабушка по матери.

Он отслужил пять лет и был на хорошем счету. Писал на бумаге, а больше в голове. Все это превратится в знаменитые рассказы — «Охота на слона», «Повешенье», в роман «Дни в Бирме». Он видел больше, чем почти все итонские и университетские левые, — он видел империю, а потому его антиимпериализм был конкретнее и человечнее. Мы читаем это в эссе «Не считая черных»: все идеи о переустройстве мира, в том числе благие, это некий, как сейчас бы сказали, сферический социализм в вакууме — мир, из которого умственным усилием изгнали три четверти человечества. В годы войны Оруэлл напишет и большие эссе, и докладные записки, разъясняя, как следует метрополии строить отношения с Индией. И тут явственно проступит парадокс, из-за которого Оруэлл никогда не будет до конца своим среди левых интеллектуалов. Да, как и они, он считал, что империю пора сокращать, что Индии, и не только ей, надо предоставить независимость, что это в интересах Англии и без этого не обойтись, потому что вторая уже мировая война явственно показала: на нашей планете ничего не удастся «не считая» кого-то. Но вместе с тем Оруэлл хорошо знал о готовности индийцев блокироваться во имя своей независимости с немцами и японцами. Знал, к какой опрометчивости и жестокости может привести национализм ради национализма. Уж конечно война — не самый подходящий момент для сведения счетов. И вот он тщательно прорабатывает пункты предварительного соглашения с Индией, соглашения о сотрудничестве, основанного на безусловном уважении к Индии как к равному партнеру и на честном признании и защите собственных интересов Англии.

Тоже редчайшее и сильное как в публицистике, так и в прозе Оруэлла свойство: умение «влезть в чужие ботинки», не отступаясь при этом от своего. Понимать многих других, не переставая быть собой.

С тем он приехал в Англию в первый отпуск, после пяти лет службы. Еще очень молодой человек — в возрасте выпускника университета, — но вместо университета Бирма. Привез наброски будущих рассказов и «Дней в Бирме». Довольно быстро он принял решение уволиться. В никуда. Основное его свойство — интеллектуальная честность — прочно взяло верх и никогда уже не выпускало того, кому вскоре предстоит стать Джорджем Оруэллом. Ему потребовалось своими глазами увидеть, как живут люди. Как живут туземцы, он видел, но глазами сахиба. А надо — как живут свои, белые, у себя дома. Глазами одного из них.

Правда, и соображения о литературной карьере тут сыграли свою роль. В поисках собственной ниши он счел, что по руке ему будут очерки о жизни низов в духе Джека Лондона. В общем, опять встал на голову. Сделал то, чего человек из среднего класса боится всего больше: опустил-ся на самое дно.

Он побывал в ночлежках Ист-Энда, затем перебрался в Париж, где ему немного помогла тетя, сестра матери. Брался за любую работу, чаще всего официанта и посудомойщика (и, типично, обзавелся не только сочувствием к участи бедняка, но и советом для человека среднего класса: не обижать официантов. Своими глазами видел, что они делают с блюдами нежеланных гостей). Первые его очерки были опубликованы в левой французской прессе, в «Монд» и «Прогресс сивик» — о безработице, бродягах и лондонских нищих, а также о цензуре в Англии. Собственно, статья о цензуре в Англии была самой первой его публикацией. А в Англии примерно в то же время в еженедельнике Честертона — эссе о грошовых газетах. Это стоит учесть: он говорит о литературе, о газетном деле и цензуре и о жизни низов с одинаковым пониманием. Литература была его жизнью, как и «сама жизнь».

На исходе 1929 года он вернулся в Англию, немного отъезжая в родительском доме, попытался совмещать работу репетитора с журналистикой, общением с писателями и вылазками под псевдонимом Бертон. «Бертон» бро-

дажничал, устраивался прислугой в пансион, отправлялся в Кент на сбор хмеля, задирали полицейских, чтобы узнать изнутри каталажку.

В 1932 году нашелся издатель для «Фунтов лиха в Париже и Лондоне». Тут-то и понадобился псевдоним — чтобы не смущать родителей, но может быть, и затем, чтобы окончательно распрощаться с Эриком Блэром. Прикинул несколько вариантов и остановился на «Джордж Оруэлл»: «нормальное такое английское имя».

Джордж, святой Георгий — покровитель Англии. И король, правивший в ту пору, — Джордж. Распространенное имя во всех классах общества, от великосветского до самого простого. В любом пабе найдется Джордж, который не откажется выпить со старыми или новыми друзьями. Почему Оруэлл? В честь реки, которую он считал одним из красивейших мест Англии. В ностальгическом порыве он дал ее имя герою «Дней в Бирме», когда замышлял роман вдали от родины, но потом этот бедолага, с которым автор жестоко расправляется, переименуется во Флори, а имя реки достается автору. А ведь это значит, помимо прочего, что Оруэлл казнил в герое книги самого себя или некий свой аспект, какую-то свою слабость или вину. Недопеченного империалиста, слишком честного, чтобы тешиться бременем белого человека, слишком слабого, чтобы востать? Сострадавшего туземцам, но и пользовавшегося их услугами — всеми, включая сексуальные? «Интеллектуала»?

Вообще в романах, написанных Оруэллом в тридцатые годы, — за «Днями Бирмы» последовало три сугубо английских романа, в духе времени социальных, сатирических, со слабым (скорее чеховским, чем Достоевским) героем: «Дочь священника», «Да здравствует фикус» и «Глотнуть воздуха», — расчеты с некоторыми аспектами «Эрика Блэра», какими-то его слабостями, вполне очевидны. Автобиографическое начало в этих романах очень сильно, хотя лишь один главный герой — в «Фикусе» — совпадает с автором возрастом, полом, положением в обществе. Достигший тридцати лет неудачник, считающий жалкие пенсы

подручный в книжном магазине, где среди неликвида за-
тиснута и его жалкая книжонка. Однако несмотря на такое
совпадение «анкетных данных», Комсток — приуменьшен-
ный Оруэлл. Это подчеркивается и физически: Комсток
не вышел ростом, тапки, выданные ему другом, велики.
Тень гиганта Оруэлла, его слабое и дурное начало. Этот
персонаж тщеславен насчет своего литературного дара,
он ничего не произвел, кроме тоненькой книжечки сти-
хов (под названием «Мыши»), и не первый год кропает
поэму о лондонских забавах — а Оруэлл к тридцати годам
автор нескольких законченных и одобренных издателями
произведений в прозе, неустанный труженик-журналист и,
главное, уж он-то знаком с жизнью не понаслышке. И если
главный герой бежит от мещанского существования (оли-
цетворенного в том самом фикусе) и для него ловушка за-
хлопывается в тот момент, когда возлюбленная сообщая
о беременности — увы, его ждет пошлость семейной
жизни, необходимость зарабатывать, вернуться в реклам-
ное бюро, — то Оруэлл, хотя и вел себя после возвраще-
ния в Англию как изрядный бабник, крутил романы зача-
стую параллельно с двумя и тремя девицами, однако чуть
ли не каждой предлагал руку и сердце.

Одну из таких несостоявшихся невест — дочь священ-
ника — сделал героиней одноименного романа, подарив
ей свой опыт сборщика хмеля в Кенте. С первой страни-
цы мы погружаемся в подробности жизни, в обязанности
этого дня, в требовательность героини к себе и ее выгора-
ние, мы ощущаем, как «замылен» ее взгляд, как привычно
ей нестерпимое, как нестерпимо это привычное — и когда
неведомая сила переворачивает дочь священника вверх но-
гами и она, забыв свое социальное положение, оказывается
бродяжкой, мы наконец-то «замечаем» ее. Она сама «за-
мечает» себя. И мир она — и мы с ней — «замечаем» тоже.

Может быть, тот мальчик, стоявший в 11 лет на голо-
ве — в 1914 году, в последнее мирное лето Европы, — имел
в виду и то, и другое. Встать на голову, чтобы тебя замети-
ли. Чтобы самому разобраться с собой. Встать на голову и
разглядеть этот мир.

Сюжетов в этих романах почти нет, любовная линия отсутствует. Зато есть очень плотное и очень английское вещество прозы, и оно действительно автобиографично, в том числе внутренне автобиографично, вполне соответствует характеру автора: та же внимательность к деталям (дневник Оруэлла заполнен точными указаниями цен, подсчетами снесенных курочками яиц и т. д.), те же педантичные правила жизни — как заваривать чай (наливать сначала кипятка и помешивать, а потом уж молоко, иначе плюхнешь его слишком много, но вообще правил больше, чем заповедей, данных на Синае), те же подробнейшие описания, например, ухищрений бедности и в его записях, и в его романах (отправляясь на вечер, вывернуть на другую сторону воротник, замазать дырку в ботинке, переложить дешевые сигареты в бережно хранимую пачку из-под дорогих).

И вместе с тем поразительное доверие к персонажам. Последний предвоенный роман «Глотнуть воздуха», написанный уже в полном сознании надвигающейся катастрофы: предупреждение о скорой войне и совершенно оруэлловское (в отличие от друзей-леваков) понимание, что и Гитлер, и «Джо Сталин» — угроза совершенно нового рода, это не бывшие тираны, которым достаточно было просто мучить людей; и нежнейшие воспоминания детства, портрет английской деревни, любовь к реке, любовь к первой девушке — все это поручено малоприятному толстому дядьке на десять лет старше автора, презирающего самого себя торговца страховками (недалеко ушел от рекламного бизнеса), размышляющего главным образом о том, как потратить утаенные от жены семнадцать фунтов. Случайно попавшееся в газете имя короля Албании, словно запах прустовских маделенок, утаскивает его в детство и юность, позволяя вынырнуть лишь затем, чтобы в очередной раз увидеть скорое будущее: войну, очереди за едой, пулеметы в верхних окнах домов.

Эти несимпатичные герои автора, который и себя не считал симпатичным, говорят нам о чем-то важном, скры-